

МОНА ОЗУФ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК

1789—1799

STUDIA HISTORICA

Мона Озуф

Революционный праздник

1789—1799

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия.

Озуф Мона

О 46 Революционный праздник: 1789—1799 / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 416 с., ил., табл., вклейка после с. 352. — (Studia Historica).

ISBN 5-94457-126-8

Монография Моны Озуф «Революционный праздник» — характерный пример так называемого «пионерского исследования». В нем уже в 1976 году (год его первой публикации) проявились тенденции, и по сей день актуальные и высоко ценимые в исторической науке: интерес к повседневной жизни и ее «ритуалам»; исследование политики как церемониала и революции как антропологического феномена; выяснение взаимосвязи между идеологическими императивами и конструированием утопических пространственно-временных моделей. Выстроенная на широком круге источников, в том числе на архивных документах и прессе революционных лет, сочетающая глубину обобщений и исторических афоризмов с тонкой конкретикой наблюдения, эта книга стала событием как во Франции, так и за рубежом, во многом изменила представления о Французской революции, предложив новаторские пути ее изучения.

ББК 63.3(0)52

В оформлении переплета использован фрагмент картины неизвестного художника французской школы XVIII века «Посадка „дерева Свободы“ в присутствии мэра и национальных гвардейцев под аккомпанемент местного оркестра» (гуашь).

Озуф Мона

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК: 1789—1799

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета

Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Корректор Л. Липова

Оригинал-макет подготовил А. Охотин

Подписано в печать 20.03.2003. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 33,54. Заказ № 2872.

Издательство «Языки славянской культуры»

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

© Е. Э. Лямина. Перевод на рус. яз., 2003.

ISBN 5-94457-126-8

9 785944 571267

Оглавление

Введение	7
Глава первая. История революционного праздника	24
Революция как праздник	26
История праздников, история сект	35
Скука и отвращение	43
Глава вторая. Праздник Федерации: модель и способы ее реали- зации	51
Мятеж и праздник: дикие федерации	56
Федеративные праздники	59
Парижская федерация	63
Новый праздник?	71
Праздник всех французов?	76
Глава третья. 1792: надпартийный праздник	86
Норма и исключение	87
Праздники-антагонисты?	93
Единство трагедии	109
Глава четвертая. 1793—1794: насмешка и революция	116
Другой праздник	118
Где, когда, вместе с кем?	126
Разумный Разум	134
Насилие и праздник	142
Глава пятая. 1794—1799: назад к Просвещению	146
«Счастливая нация»	152
Система 3 брюмера IV года	163
Глава шестая. Праздник и пространство	175
Пространство без свойств	176
Символические вехи пространства	185
Обновление церемониального пространства: праздники в Кане	192
Сопротивление Парижа	207
Пространство—время революции	214
Глава седьмая. Праздник и время	221
Начинать	223
Распределять	226

Чтить память	232
Завершать	261
Глава восьмая. Будущее праздника: праздник и педагогика	275
«Школы для взрослых»	276
Власть образов	282
О разумном использовании образов	285
Ничто не разумеется само собой	296
Глава девятая. Народная жизнь и революционный праздник	304
Постыдная этнология	305
История одной неудачи	314
Революционная символика и крестьянская традиция	327
Дикое майское дерево	329
Дерево-наставник	344
От майского шеста к дереву	355
Разрыв	363
Глава десятая. Революционный праздник:	
перенос сакральности	371
Ужас перед пустотой	377
Смысл заимствований	383
О смысле ограничения	392
Приложение. Краткий календарь революционных событий	398
Указатель географических названий	404
Указатель имен	410

Введение

Мы привыкли с печальным вздохом говорить: «Праздников больше нет!» На то же сетовал и XVIII век. Его жалобы по этому поводу так разнообразны и настойчивы, что у исследователя, пытающегося предложить свою классификацию праздников, опускаются руки. Но праздник празднику рознь. Династические, религиозные, народные торжества, празднества гильдий и корпораций — весь этот пестрый хаос едва ли позволяет говорить о «традиционном празднике» вообще. Однако мы все-таки употребляем здесь единственное число, ибо праздники были окружены всеобщим осуждением. Традиционный праздник — образ негативный; люди просвещенные взирали на него неприязненно или равнодушно, находясь, подобно нам, в уверенности, что подлинный вкус праздника утрачен.

Но если XVIII столетие полагало, что праздничного веселья нынче не встретишь, то причиной тому был как раз избыток праздников. Их преизобилие, а не сегодняшний недостаток — вот что вызывало уныние людей той эпохи. По сведениям Никола де Ла Мара, в Париже отмечалось тридцать два праздника; к ним следует прибавить еще пятьдесят два воскресенья. На таком фоне отмена некоторых торжеств кажется мерой весьма робкой. Заветное слово «ограничение» (*retranchement*) красной нитью проходит через все столетие и запечатлевается в наказах третьего сословия. Частота его употребления продиктована соображениями экономической целесообразности. Именно она с презрением отвергает бесконечную череду, где мелькают праздники придворные и сословные, процессии ректоров, шествия ремесленников (ибо все они суть побег одного дерева — «присущей нам склонности к безделью»¹). Она заставляет подсчитывать, и зачастую с большой точностью, убытки, в которые сей бич ввергает страну; этим выкладкам уделял пристальное внимание Монтескье. Протестантизм и тот позволяет сэкономить пятьдесят рабочих дней в году. Так стоит ли удивляться, что «протестантская торговля» успешно конкурирует с «торговлей католической»?²

¹ *Faiguet de Villeneuve, L'Ami des Pauvres, ou l'Econome politique. Paris: Moreau, 1766.*

² *Montesquieu, De l'Esprit des lois. Genève: Barrillot et fils, 1748.*

Из этого утверждения рождается лавина проектов: их авторы предлагали переносить праздники на ближайшее к ним воскресенье или даже выходить в эти дни на работу после мессы и проповеди³. Таким образом можно было бы воздать должное как труду, так и отдыху и, славя Бога, сжимать в руке серп. Пусть святые сердятся — что с того? XVIII век сделал этот смелый шаг задолго до якобинских неистовств, задолго до того, как Шарль Виллет осмелился утверждать, что интересы святых противоречат интересам народов⁴.

С другой стороны, сосредоточенность на полезных занятиях есть «мать невинности». Из этой максимы аббата де Сен-Пьера, повторявшейся на протяжении целого столетия и наконец опостылевшей, вырос замысел освободить воскресный день от попок, азартных игр, женщин, глупых выходов. Ненависть к расточительству смешивается здесь со страхом перед стихийной, не поддающейся контролю составляющей праздников. Экономический рационализм изъясняется языком моральной и религиозной проповеди: «святые дни, отведенные благочестивым помыслам», на практике выливаются в пьянство, разнузданность, «ужаснейшие драки» или, еще хуже, убийства. На сцене праздника никогда не появляется «воображаемый» народ — сладкая греза просвещенных умов, не покидающая их вплоть до Революции, которая обходится с этой мечтой, как с явью. Праздники — это беспорядок, неприличие, смешение полов и ролей; бал здесь правят ночная тьма и вино. Иначе говоря, все, что, словно в ящике Пандоры, скрыто в слове «разгул». Постоянное употребление этого слова, удобного и степенного, свидетельствует о своего рода сговоре: обличая «разгул», энциклопедисты, не раздумывая, ставят рядом доводы властей церковных, которым тоже была близка идея «ограничения», и властей гражданских, всегда склонных видеть в праздничном стечении людей подозрительную толпу, куда легко затесаться всякому сброду⁵ и где в любое мгно-

³ *Abbé de Saint-Pierre, Oeuvres politiques*. Rotterdam, 1734: «Если бы епископы, составлявшие первые правила о запрете работать в праздничные дни, увидели нынешние увеселительные и игорные заведения, если бы они могли знать, какие бесчинства и беспорядки возникнут от праздности и отсутствия привычных занятий, они ограничились бы предписанием о присутствии на литургии и утренних пастырских наставлениях».

⁴ *Marquis de Villette, Lettres choisies sur les principaux événements de la Révolution*. Paris: Clousier, 1792.

⁵ См. об этом: *J.-Y. Ribault, Divertissement populaire et turbulence sociale: les fêtes baladoires dans la région de Thaumiers au XVIIIe siècle // Cahiers archéologiques et historiques du Berry*, 1967.

вание может вспыхнуть драка; толпу, так или иначе обязательно наносящую оскорбление религии, государству или нравственности.

И все же праздники окутывают славой и красотой голый остов бытия; нельзя не удивляться тому, что в глазах людей XVIII века ослепительный блеск торжества уже не может служить его оправданием. Столетие, которое завершится яркой вспышкой великолепия, началось с неприязни к нему. Чтобы наслаждаться праздничным костюмированным представлением, необходимо на время забыть о себе, всецело погрузиться в происходящее на сцене. Но тому, кто не желает идти на уступку иллюзии, в глаза сразу бросится закулисная механика праздника, плохо отлаженная, неуместная и нарочитая. В *Опере Венера* скользит по небесному своду — Мабли же замечает, что «колесница очень тяжела, Венера дрожит, а Амуры держатся так скованно, что я поневоле смеялся, хоть и ожидал какой-нибудь ужасной катастрофы»⁶. Равным образом и чудесные костюмы подобного представления уже не доставляют никакого удовольствия тем, кого отталкивает от переодеваний и масок двойственное чувство — сословный страх, смешанный с эстетическим отвращением; великолепие оставляет их равнодушными. XVIII век видит в фейерверках лишь пиротехнические ухищрения, деньги, без толку пущенные на ветер.

Итак, детская любовь к мечте исчезла. Отчеты о революционных праздниках будут вскользь, где-то на втором плане упоминать о «не имеющих смысла» церемониях Старого порядка — и нам следует понимать этот эпитет буквально. На одного Дидро, восхищающегося ритуалами праздника Тела Господня, приходится гораздо больше Мармонтелей, которые, всерьез опасаясь умереть от смеха, уклоняются от участия в процессии в Экс-ан-Провансе, не меньшее число Буленвилье, в недоумении застывающих при виде карнавальных великанов в Дуэ, и Вольтеров, едко высмеивающих фламандские рождественские традиции⁷. По всей видимости, рассказывать о народных праздничных обычаях можно было, подчеркивая либо их странность и нелепость (но без всякого любопытства, поскольку грядущее вымирание обрядов не вызывало у

⁶ *Mably*, Lettre à Madame la Marquise de P... sur l'Opéra. Paris: Didot, 1761.

⁷ *Voltaire*, Dictionnaire philosophique. Paris: Garnier, 1954: «Вот каким представлением был отмечен в некоторых городах праздник Рождества. Сначала появлялся полунагой молодой человек с крыльями на спине; обращаясь к молоденькой девушке, он произносил: „Ave Maria“, и т. д., она отвечала ему: „Fiat“ [Да будет так — лат.], после чего он целовал ее в губы; затем ребенок, сидевший внутри большого картонного петуха, кричал, подражая петушину пению: „Puer natus est nobis“ [Отрок нам родился — лат.].»

людей той эпохи ни мягкой грусти, ни ностальгии, ни даже ученых замечаний), либо варварство: народный праздник — это бессвязный грохот котелков и совков для угля; толпа, наводняющая улицы и площади; дикие увеселения вроде стрельбы по птицам или разрывания гуся; глухая угроза, таящаяся за масками; отвратительные драки, которые народ устраивает из-за бросаемых ему хлебов или колбас. Иными словами, это кипящая стихия, которая приводит разум в замешательство или, что еще хуже, «затмевает» его.

А важнее всего то обстоятельство, что традиционный праздник — это вселенная границ и различий. Это касается и придворных, династических торжеств⁸, где порядок чинов и званий расписан с образцовой строгостью, и церковных праздников, в которых религия становится «чванной и деспотичной, чем-то вроде оперы», и шокирует своей кичливостью⁹, и наконец — театрализованных празднеств, которые совмещают в себе пороки всех праздников, превратившихся в зрелища: на протяжении десятков лет архитектурные трактаты обличают театр, где с особенной отчетливостью обнаруживается социальная иерархия и упоение различиями, дистанцией. Согласно Дидро, театр — это «темный уголок»: он неспособен «привлечь к себе внимание всей нации»¹⁰. По мысли Мерсье, пошлость и ограниченность низводят спектакль до уровня «домашней затей»¹¹ и сообщают празднику, который в идеале должен являть собой незамутненное чудо всеобщего бытия, характер дробный, не передающийся другим, — характер частного увеселения.

В коллективном сознании все изъяны традиционного праздника, «даруемого» народу свыше, искусственного, иерархического, принуди-

⁸ См. замечание из мемуаров г-жи Ролан: «Когда мне доводилось видеть зрелище, которое являла собой столица в дни торжественного въезда в нее королевы или принцев, в дни благодарственных молебнов по случаю счастливого разрешения от бремени особы из королевской фамилии, я с горечью сравнивала эту азиатскую роскошь, эту несносную пышность с нищетой и заброшенностью тупой черни, которая валом валила поглазеть на своих кумиров...»

⁹ Этот вопрос будет подробно освещен Ж.-М. Купе (из Уазы) в трактате «Праздники политические и моральные»: «Остерегайтесь в ваших скромных церковьках вспоминать о пышных храмах и позорящем их убранстве; избегайте сей роскоши украшений и позолоты...» (*J.-M. Coupé, Des fêtes en politique et en morale. Paris: Imp. de Baudouin, s. d.*).

¹⁰ *Diderot, Paradoxe sur le Comédien, précédé des Entretiens sur le Fils naturel. Paris: Garnier-Flammarion, 1967.*

¹¹ *L.-S. Mercier, Du théâtre. Amsterdam: E. Van Harreveld, 1773.*